

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'42:008

Н.А. Аганова

КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО НАРОДНОЙ ПРИМЕТЫ: СТАТУС, СВОЙСТВА, СПЕЦИФИКА
(лингвокультурологический аспект)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Константы русской народной культуры в языковом коде: от бытового к бытийному» (грант № 12-04-00163).

Рассмотрены свойства ключевого слова в целом и спецификации ключевого слова народной приметы в частности. Выявлены и проанализированы такие свойства ключевого слова приметы, как ситуативность, ассоциативность, вариативность и атрибутивность. Обоснован статус ключевого слова как семантического и формального центра приметы.

Ключевые слова: лингвокультурология; народная примета; ключевое слово; семантика.

Идею ключевого слова по праву можно назвать универсальной: это понятие фигурирует в целом ряде наук. Хотя в каждой научной области понимание ключевого слова имеет свои нюансы и понятийно-смысловые оттенки, ядерный компонент в каждом случае остается неизменным: ключевые слова – это опорные, самые важные лексические единицы, «держачие» на себе все текстовое единство. Термин «ключевое слово» функционирует в филологических науках, в психологии, педагогике и методике преподавания и даже в области программирования.

Так, ключевые слова («слова-ключи», «keywords») используются в информационно-поисковых системах для того, чтобы обеспечить быстрый и точный поиск информации. В данной области термин «ключевое слово» употребляется в следующем значении: «Ключевое слово – слово в тексте, способное в совокупности с другими ключевыми словами представлять текст» [1. С. 27]. Данное определение фиксирует ядерный признак понятия «ключевое слово»: способность презентовать текст, являясь его смысловой опорой, а совокупность ключевых слов текста образует его семантическую основу, канву, по которой данное текстовое единство можно восстановить: так по опорным точкам можно восстановить рисунок, соединяя их между собой отрезками. Использование лингвистики в области программирования и модерации имеет сугубо утилитарную цель: содержание текста или гипертекста должно быть представлено в ключевых словах максимально точно и лаконично – в противном случае поисковая система не найдет нужный сайт по введенному пользователем запросу. Именно этот прагматический подход определил максимально точное понимание термина «ключевое слово» в данной области.

Это же свойство ключевого слова – способность «держать» на себе весь текст – использует и другая научная область – психология. Например, ряд мнемонических приемов базируется на различных «принципах ключевых слов» и опирается на способность ключевых лексических единиц выстраивать текстовое единство и конденсировать в себе основные смысловые сгустки текста. Так, при запоминании больших по объему текстов рекомендуется составлять цепочку ключевых слов, следующих друг за другом и связанных между собой. Для этого запоминаемый текст разбивается на

разделы, в каждом из которых выделяются основные мысли, а в каждой основной мысли вычленяется минимальное количество ключевых слов: их необходимо связать между собой и запомнить. Таким образом, формируется некоторый каркас текста, содержание и форму которого можно воспроизвести, восстанавливая в памяти именно ключевые слова, которые, в свою очередь, «вытягивают» за собой весь текст, воссоздавая его заново. Этот же прием используется и в методике преподавания: так, он применяется при обучении навыку работы с текстами (сочинение, изложение или устный пересказ). Так называемый метод ключевых слов активно используется и в обучении иностранным языкам.

Наконец, термин «ключевое слово» (далее – КС) активно используется в филологических науках, как лингвистических, так литературоведческих. Так, в литературоведении существует ряд исследовательских работ, посвященных выявлению и анализу КС в творчестве отдельных писателей [2].

В области лингвистических исследований КС выделяются в авторских произведениях, циклах текстов или даже в дискурсах. Например, Т.В. Шмелева предлагает термин «ключевое слово текущего момента», обозначающий КС, выделяемые не просто в тексте или цикле текстов, а в целом дискурсе – прежде всего, дискурсе современности, объединяющем различные тексты (художественных произведений, СМИ), устную коммуникацию. «Ключевое слово текущего момента» – это слово, находящееся у всех на устах, слово, «оказавшееся в центре всеобщего внимания» [3. С. 33]. В своей работе исследователь предлагает ряд признаков, которыми должно обладать «ключевое слово текущего момента»: они касаются трех аспектов существования слова – текстового, лексического и грамматического. Текстовый аспект касается использования слова, в том числе в заголовках как максимально сильной позиции текстов массовой коммуникации. Кроме того, такие слова становятся объектом активной и массовой языковой рефлексии, появляется множество дефиниций-высказываний типа «...» – это... или «...» – это не... Текстовый аспект существования КС наиболее заметен, ощущаем, он бросается в глаза каждому, хотя может быть по настоящему квалифицирован только лингвистом.

Синтагматические и парадигматические параметры слова претерпевают изменения, в частности, расширя-

ются возможности его метафорического употребления, модифицируются синонимические и антонимические отношения. Часто такие слова начинают использовать в качестве ономов. Наконец, статус КС вызывает активизацию его грамматических возможностей (самых консервативных), в частности, его деривационного потенциала, т.е. появление новых производных, расширение их семантики и сферы употребления.

Т.В. Шмелева приходит к выводу о том, что попадание слова в число ключевых оказывает влияние на все аспекты его функционирования, и иллюстрирует это явление такими словами, как «демократия», «рынок», «ваучер», «август» и др. [3. С. 34].

Термин «ключевое слово» был введен в лингвистическую науку А. Вежбицкой: «Ключевые слова – это слова, особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры» [4. С. 282]. КС в толковании А. Вежбицкой – это набор культурных коннотаций, квинтэссенция свойств культуроспецифичного слова. Статус именно такого КС – выделяемого в языке в целом – обосновывает в своей работе А. Вежбицкая: лексика, претендующая на статус ключевой в каком-либо языке, должна содержать в себе культурную информацию, хранить ее и транслировать от одних поколений к другим: «Лингвоспецифичные слова отражают и передают образ жизни, характерный для некоторой данной языковой общности, и могли бы рассматриваться как своего рода свидетельства о каких-то особенностях соответствующей культуры» [Там же. С. 293].

А. Вежбицкая формулирует основные свойства, которыми, на ее взгляд, должны обладать лексические единицы, «претендующие» на звание «ключевых» в каком-либо языке:

Во-первых, такие слова не имеют абсолютно эквивалентных аналогов в других языках, а переводы, через которые предпринимается попытка ввести их в язык-реципиент, не способны адекватно передать их лексическое значение. Во-вторых, слова, являющиеся в каком-либо языке ключевыми, обязательно должны быть общеупотребительными и частотными. Наконец, в качестве третьего и основного признака КС А. Вежбицкая называет их особую важность и показательность для отдельно взятой культуры. В русской культуре, на ее взгляд, такими словами являются «судьба», «душа» и «тоска»: «представление, которое они дают о русской культуре, поистине неопределимо» [Там же. С. 282].

Подход, предлагаемый А. Вежбицкой, принципиален: исследователь выделяет и анализирует КС с лингвокультурологической точки зрения: теперь «ключевое слово» – это уже не просто смысловая «опора», выстраивающая и удерживающая на себе текст, это еще и вместилище культурной информации.

Лингвокультурология как самостоятельная наука оформилась в 90-е гг. XX в. в рамках языкознания в результате интеграции лингвистики и смежных дисциплин: культурологии, этнологии и этнографии. Сам термин «лингвокультурология» появился под влиянием научных работ В.Н. Телии, В.В. Воробьева, В.А. Масловой, Н.Д. Арутюновой, Ю.С. Степанова, В.И. Карасика и др. и трактуется как «комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его

функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления (систем норм и общественных ценностей)» [5. С. 36].

Именно лингвокультурологическое понимание природы КС позволяет наиболее полно и адекватно проанализировать тексты, насыщенные культурной информацией, к которым относятся, в частности, народные приметы.

Все существующие в настоящее время исследования данного фольклорного жанра развиваются в нескольких основных направлениях: изучение приметы с точки зрения жанровой специфики [6]; с учетом ее текстовых особенностей [7]; рассмотрение приметы в качестве культурного «сценария» [8, 9] и, наконец, изучение художественно-выразительных средств, используемых в приметах [10]. В настоящей работе народная примета впервые рассматривается через призму КС, являющегося носителем культурной информации и основой, выстраивающей весь текст приметы. Подобный подход к изучению народной приметы абсолютно нов и не представлен в других исследованиях, посвященных анализу данного фольклорного жанра.

Выбор такого подхода к изучению приметы неслучаен: это обусловлено, прежде всего, способностью лексики выступать в качестве носителя ментальных смыслов, культурной информации. Изучение единиц культуры возможно на материале их языковой реализации (В. фон Гумбольдт, Э. Сепир, Б. Уорф, Й.Л. Вайсгербер, Д.С. Лихачев, Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, В.И. Постошова, В.А. Маслова, В.В. Воробьев, Г.Д. Гачев и др.). Лексические единицы не только кумулируют и хранят культурную информацию, но и транслируют ее, обеспечивая тем самым межпоколенческую связь, передачу культурного опыта. Язык неразрывно связан с культурой, которая детерминирует содержание языковых единиц, а они, в свою очередь, обуславливают поведение носителей той или иной культуры.

Свойства, выделяемые у КС А. Вежбицкой, являются универсальными, однако КС приметы имеет ряд специфических свойств, обусловленных особенностями его бытования, – это не слова вообще (пусть даже конкретного, отдельно взятого языка), а лексемы, привязанные к конкретным текстам. Однако, выделяясь в конкретном тексте, приметное КС является одновременно носителем культурной информации, ее кумуляцией и транслятором.

КС нанизывает на себя текст приметы, выстраивает его от начала и до конца. Так, например, в примете *Зеркало в помещении, где покойник, завешивают – а то, говорят, еще покойник будет в доме (Самостоятельно собранный материал – далее ССМ)* ключевым является слово «зеркало». Это слово в рассмотренном примере выступает в качестве смыслового ядра приметы – важно то, что закрывать нужно именно зеркало, а не окно, картину или что-либо еще; если убрать слово «зеркало» из приметы или заменить его другим словом, текст рушится, а сама примета теряет смысл. Таким образом, КС приметы обладает признаком, актуальным для КС во-

обще: где бы этот термин ни использовался – в лингвистике, программировании или методике преподавания, он «держит» на себе весь текст, являясь его опорой. Во-вторых, данная лексическая единица является вместилищем информации культурного характера: доказательством этого служит ее появление в других приметах (*Перед сном в зеркало нельзя смотреться – кошмары приснятся* (ССМ); *Разбить зеркало – к несчастью* (ССМ); *Если беременная женщина часто смотрится в зеркало – у нее может родиться двойня* (ССМ); *Жениху и невесте нельзя вместе смотреться в зеркало до свадьбы – расстанутся* (ССМ); и др.).

Именно способность КС приметы проявлять себя в качестве носителя культурной информации обусловила некоторые особенности функционирования примет: в частности то, что приметы могут образовывать своеобразные «поля», группируясь вокруг ключевых слов, – предыдущий пример показывает, как образуется поле примет вокруг КС «зеркало». Соответственно, чем глубже и богаче культурная информация, заложенная в слове, тем обширнее поле группирующихся вокруг него примет, тем больше новых примет оно к себе «притягивает».

Исследователи, обратившиеся к изучению народной приметы, сталкиваются с рядом трудностей, одна из них – отсутствие единой общепринятой классификации. Этот факт побуждает многих ученых (Т.С. Садова, О.Б. Христофорова, В.К. Харченко и др.) создавать собственные классификации примет. Эти классификации строятся на разных принципах, один из самых распространенных – тематический (календарные, бытовые, погодные приметы и т.д.). Однако представляется возможным говорить о том, что сама природа примет и ее ключевого слова в определенной степени «диктует» принцип классифицирования: приметы естественно распадаются на группы, объединенные КС.

Итак, КС приметы, с одной стороны, «держит» на себе текст, с другой – является носителем культурной информации. Логично предположить, что эти свойства есть и у КС пословицы или поговорки – смежных с приметой микрожанров; однако представляется возможным говорить о том, что КС приметы обладает уникальными свойствами, присущими только ему, – и это, в свою очередь, связано со спецификой появления и бытования примет.

Очень важной отличительной чертой КС приметы является то, что оно способно моделировать определенную бытовую ситуацию («приметную ситуацию») в сознании человека. Данное свойство КС представляется возможным назвать *ситуативностью*. Реализация данного свойства может происходить в сознании человека амбивалентно: «слово → ситуация», и наоборот: «ситуация → слово». Так, слово может выступать в качестве отправной точки для «разворачивания» примет в сознании человека: безусловно, чтобы это произошло, человек должен знать примету, являться приметоносителем: слово-стимул не порождает в его сознании новую информацию, а адресует к уже имеющейся. Так, например, слово «кошка» может вызвать в сознании различные ассоциации, и если субъект восприятия является приметоносителем и знает одну или несколько примет, ключевым в которых является это слово, данные приметы также возникнут в его созна-

нии – в первую очередь или периферийно. Обратный вид связи – это путь от целой ситуации к отдельному слову: это актуально для случаев, когда человек только узнает примету: например, человек, впервые встретившийся с приметой *Кошка снится к слезам* (ССМ) интуитивно сам вычленяет в ней КС и запоминает примету именно по выделенному слову; столкнувшись же с обозначенной ситуацией, он будет связывать эту ситуацию и ее интерпретацию в примете именно через КС. Этот механизм не срабатывает, если ему приснится, например, собака. КС, таким образом, является медиатором, связывающим конкретную (уникальную) ситуацию и существующую примету.

Данный механизм (событие → ключевое слово → примета) естественным образом классифицирует приметы, объединяя их в группы, «нанизанные» на определенную ситуацию. Так, ситуация «поведение животного», распадающаяся, в свою очередь, на ряд подситуаций («кошка лежит», «кошка катается» и др.), связывается в сознании приметоносителя с метеорологическими явлениями: в этом случае в примете делается попытка предсказать, какая будет погода: *Кошка на печи – к стуже, а кошка на полу – к теплу* (ССМ); *Кошка садится на подоконнике и смотрит в окно – на тепло* (ССМ); *Если кошка крутится, переворачивается – будет перемена погоды* (ССМ). Отдельно можно выделить группу примет с КС *кошка*, в которых выстраиваются причинно-следственные связи между поведением животного и событиями, происходящими в жизни человека, не связанными с погодными явлениями (счастье / несчастье; везение / неудача и др.): *Кошка на человека тянется – к обнове* (ССМ); *Кошка на пути – плохой путь* (ССМ); *Кошка сгорела во время пожара – быть еще одному пожару* (ССМ); *Черная кошка между друзьями пробежала – к ссоре* [11. С. 234]; *Черная кошка перешла дорогу – день будет неудачным* (ССМ); *Если тебе дорогу перейдет рыжий кот – к прибыли* [12. С. 154]. Наконец, последнюю группу составляют приметы, связанные со сновидческой реальностью. Назначение их то же, что и у примет предыдущих групп: выстроить причинно-следственные связи между поведением животного и событиями, происходящими с человеком: *Кошка снится – к слезам* (ССМ); *Кошки снятся – к мелким ворам* [11. С. 235].

Ситуативность КС приметы неразрывно связана с другим свойством, обусловленным его способностью выстраивать не только конкретные ситуации, но и ассоциативные связи – можно назвать его *ассоциативностью*. Именно это свойство приметного КС лежит в основе механизма появления индивидуальных примет: в сознании человека выстраивается некая ассоциативная связь между явлениями действительности, объективно ничем друг с другом не связанными; как только эта (пока еще случайная) связь превращается в закономерность – формируется новая примета: *Всегда если надеваю эту кофту – значит, в этот день не повезет* (ССМ).

Довольно часто приметоноситель подвергает данный факт рефлексии, это проявляется в употреблении лексем «замечать», «примечать», «наблюдать» и др., например: *Я заметил, что если на экзамене даю преподавателю закрытую зачетку – сдам хорошо* (ССМ); *Я обратила внимание, что если солнце садится в тучу –*

всегда на следующий день плохая погода. Теперь всегда вечером смотрю на закат (ССМ). Таким образом, приметоноситель сам выстраивает связи между явлением и его предзнаменованием, а в дальнейшем использует получившуюся примету, каждый раз «проверяя» ее жизнеспособность.

Как правило, индивидуальные приметы выстраиваются вокруг слов, уже являющихся ключевыми в других приметах, в новых вариациях реализуя их культурный потенциал: *Не стой рядом со мной у зеркала – поссоримся, я заметила такое* (ССМ); приметоноситель сам моделирует новую ассоциативную связь, в данном случае: зеркало / → совместное смотрение в него / → ссора.

Особого внимания заслуживает такое свойство КС народной приметы, как *вариативность*. Вариативность КС проявляется прежде всего в дублетности примет. Дублетность – это способность приметы существовать одновременно в нескольких вариантах, различных либо по форме (в этом случае их объединяет общее содержание), либо по содержанию (объединяет форма). Вариативность КС проецируется на формальную дублетность приметы: содержание и общая семантика приметы в этом случае полностью сохраняются, вариативным является только сам центр приметы, ключевая лексема: *Воробей / иволга / птица в избу влетел(а) через окно – слышать о покойнике* (ССМ). Безусловно, не все ключевые слова могут свободно заменять друг друга: вариативность присуща только тем лексическим единицам, которые способны вступать друг с другом в отношения синонимии и содержат сходный набор культурных смыслов. Так, все лексические единицы – «воробей», «иволга» и «птица» – находятся в родовидовых отношениях и могут быть контекстуальными синонимами, а также объединены общей культурной семантикой, опирающейся на веру в то, что души умерших вселяются в маленьких диких (не домашних) птиц.

Особо следует отметить способность КС приметы иметь при себе определитель. Представляется возможным назвать данное свойство ключевого слова приметы *атрибутивностью*. Определитель – слово или группа слов, сообщающие КС дополнительную культурную коннотацию. Важно то, что не каждое ключевое слово может иметь при себе определитель: это характерно для тех слов, которым «не хватает» собственного культурного потенциала для их полноценной реализации и требуется дополнительная лексическая еди-

ница (или несколько), чтобы восполнить этот недостаток. Как правило, КС, нуждающиеся в определителе, находятся на периферии: они либо не могут быть носителями культурной информации самостоятельно, либо не могут ее реализовывать изолированно, без помощи других слов и контекста. Можно выделить разные виды определителей: определитель-слово (либо словосочетание) и определитель-ситуация. Определитель-слово помогает КС восполнить недостающую культурную информацию: *На свадьбу нужно надевать старые туфли – на счастье* (ССМ): культурная коннотация «прогнозирование счастья» складывается из составляющих: КС *туфли* + прилагательное *старые*. Определитель-ситуация представлен в следующей примете: *Молодым, чтобы были дружны между собой, и брак был крепким, нужно вставать на полотенце* [12. С. 176]: культурная коннотация «прогнозирование согласия» складывается из составляющих: КС *полотенце* + определитель *ситуация свадьбы*. В иной ситуации (например, похорон) ключевое слово *полотенце* не сможет реализовать данную коннотацию.

Итак, КС приметы имеет свойства, выделяемые у ключевых слов во всех областях, оперирующих данным понятием: оно способно презентовать текст, являясь его смысловой опорой, элементом, хранящим наиболее важную информацию. В то же время приметное КС обладает рядом специфических особенностей и свойств, принципиально отличающих его от таких понятий, как «ключевое слово» (без привязки к конкретным текстам), «ключевое слово текущего момента» или «ключевое слово текста». Во-первых, это ситуативность: способность выстраивать вокруг себя ситуации, проявляя в них свой культурный потенциал; во-вторых, тяготение к ассоциативности, проявляющееся в способности выстраивать связи между приметами и явлениями и «нанизывать» новые явления; в-третьих, это вариативность, связанная с одним из основных свойств народной приметы – существованием в нескольких вариантах; в-четвертых, это атрибутивность: качество, заключающееся в способности не только хранить культурную информацию, но и компенсировать ее недостаток через неразрывную связь с другими лексическими единицами, «достраивая», таким образом, необходимый культурный код. Все перечисленные свойства определяют специфику ключевого слова приметы, отделяя его от близких и смежных явлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сахарный Л.В. Расположение ключевых слов в структуре развернутого текста (к изучению деривационных механизмов компрессии текста) // Деривация в речевой деятельности (Общие вопросы. Текст. Семантика). Пермь, 1988. С. 27–29.
2. Спасская Е.К. Ключевые слова как отражение русского национального характера: На материале прозы И.С. Шмелева : автореф. дис. ... канд. бнл. наук. М., 2005. 18 с.
3. Шмелева Т.В. Ключевые слова текущего момента // *Colloquium*. 1993. № 1. С. 33–41.
4. Вежицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. А.Д. Шмелева. М. : Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
5. Воробьев В.В. Лингвокультурология: теория и методы. М., 1997. 134 с.
6. Харченко В.К., Тонкова Е.Е. Лингвистика народной приметы. Белгород : ОАО «Белгородская областная типография», 2008. 224 с.
7. Садова Т.С. Народная примета как текст: Лингвистический аспект. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2003. 212 с.
8. Белоусова. Е.А. Современный родильный обряд // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/belousova4.htm>
9. Христофорова О.Б. К вопросу о структуре приметы // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/hristoforova2.htm>
10. Китиков А.Е. Марийские народные приметы. Йошкар-Ола : Марийск. кн. изд-во, 1977. 224 с.
11. Большой словарь примет. М. : АСТ : Астрель, 2009. 687 с.
12. Народные приметы и поверья. М. : ООО «Мир книги», 2003. 288 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 8 октября 2012 г.